

Индустриальная психология: предмет, задачи дисциплины и геополитика. Часть 1

ТОЛОЧЕК Владимир Алексеевич

ORCID: 0000-0003-1378-4425

ФГУН Институт психологии РАН, Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Цель.* Предмет психологии как научной дисциплины остается темой научных дискуссий; также открытыми остаются и вопросы предмета отдельных дисциплинарных областей (вследствие развития науки, эволюции социальных объектов, изменения актуального социального запроса, особенностей социально-исторической среды). Цель исследования заключается в историко-теоретическом анализе идеологических, методологических, методических и организационных аспектов проведения научно-исследовательских работ (НИР) и научно-практических работ (НПР) в современных организациях. *План исследования.* Гипотезы исследования. 1. Выбор, формулирование и следование в научной дисциплине определённым идеологическим, методологическим и методическим постулатам и допущениям закономерно приводит к становлению соответствующих научных парадигм, социальных технологий и эффектам их использования в практике решения научных и практических задач. 2. Вследствие эволюции социальных объектов и научной дисциплины, содержательное наполнение постулатов и допущений должно регулярно подвергаться методологической рефлексии и корректироваться. 3. Оптимальные варианты решения локальных научно-исследовательских и научно-практических задач в современных организациях могут иметь транситуативные эффекты, содействующие их более широкому использованию. 4. Научные и социальные технологии, имеющие транситуативные эффекты, могут рассматриваться и выступать в качестве компонентов «мягкой силы» в практике реализации геополитики государством. Предмет исследования: ресурсы научных разработок в области индустриальной психологии как возможные компоненты «мягкой силы», составляющей геополитики государства. *Методы исследования:* анализ научной литературы, рефлексия опыта научной и практической работы в разных сферах профессиональной деятельности психологов. Критически рассматривается понимание предмета, задач и методов индустриальной психологии, сформулированных в начале XX в., утверждаемых в зарубежной психологии. Проводится сравнительный анализ истории развития государств (США и России) с конца XIX в. по настоящее время (участие в войнах оборонительных или захватнических, потери населения, эмиграция и (или) иммиграция, изменения территории), актуальных социальных задач. Трансляция фрагментов культуры, в том числе, достижений науки как эталонов, рассматривается как компоненты «мягкой силы», последовательно реализуемой в логике геополитики государств — форм и средств влияния одних государств на другие. Анализируются история становления дисциплины, методологемы и идеологемы, доминирующие в зарубежной психологии, валидность методического инструментария, не во всем приемлемые для отечественной индустриальной психологии на данном историческом этапе; рассматриваются проблемы состояния российской психологии и наши ресурсы. Резюмируется, что главными задачами для нас остаются «сбережение народа», ориентация психологии на решение актуальных социальных задач. *Результаты.* Предложено проводить творческое и критичное переосмысление базовых феноменов и концепций отечественных учёных; искать новые формы представления «старых вопросов» в логике парадигмы совместной деятельности, в логике постнеклассического типа рациональности, расширяющих

наши «горизонты видения»; учиться доводить наши открытия и изобретения до уровня социальных технологий. Нам нужно формировать новое видение нашего предмета и задач, которое станет инструментом его приближения, способом управления его эволюцией, средством его реализации, теорией и практикой его воплощения.

Ключевые слова: психология, предмет, задачи, дисциплина, методология, социальный запрос, идеологемы, геополитика.

Введение

Периодически в психологии, в её отдельных направлениях, сферах, областях предметом дискуссии становятся вопросы её предмета и задач, что является нормальным явлением для эволюционирующей гуманитарной дисциплины. Пожалуй, наиболее регулярно и последовательно эти вопросы обсуждаются в работах В. А. Мазилова, одного из ведущих отечественных методологов. Приведём несколько фрагментов: «научная психология как фундаментальная дисциплина ещё только формируется ... Осознание уникальности предмета и поиски своего пути — магистральная линия размышлений и разработок современной методологии психологической науки...» (Мазилов, 2017, с. 10); «...предмет психологии был задан слишком узко» (Мазилов, 2020, с. 8); «...реализация основного предварительного условия — пересмотра понятия предмет — позволит психологии существенно продвинуться в решении фундаментальных проблем»; «сердцевиной методологии является понятие предмета психологической науки» (Мазилов, 2020, с. 9). В работах В. А. Мазилова и В. Д. Шадрикова в качестве предельно полного и целостного предмета нашей дисциплины ими предлагается «*внутренний мир человека*» (Мазилов, 2020; Шадриков, 2004; Шадриков, Мазилов, 2015).

Согласимся, что «Понятие «*внутренний мир человека*»... отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности» (Мазилов, 2020, с. 53); следовательно, в многообразии всех взаимодействий человека с миром, с другими людьми, прежде всего. Но в границах той или иной научной области мы всегда вынуждены заужать базовый предмет, выделяя в нём и изучая лишь то, что будет способствовать конструктивному развитию данной отрасли науки в возможности решения конкретных практических задач на данном этапе эволюции дисциплины.

И не только периодической коррекции своего предмета требуют разные дисциплинарные области, иначе едва ли возможно последовательное изучение его разных аспектов, граней, сторон. Всегда есть историческое время, особенности социально-экономического состояния государства, прямо и косвенно отражаемые в особенностях актуального социального запроса науке. Принимая как базовое допущение, что становление тех или иных научных дисциплин есть следствие эволюции нескольких факторов: собственной логики науки, особенностей социально-исторической среды, прямо и косвенно сформулированного социального запроса (Мамардашвили, 2010; Мамардашвили, Соловьев, Швырев, 1970; 1971; Степин, 2000), зададим вопрос: В чём состоит этот запрос к нашей дисциплине в настоящее время? В нашей стране, а не вообще в «мире», в США, в том числе?

При такой постановке вопроса общий для дисциплины предмет, очевидно, должен рассматриваться в его наиболее актуальных аспектах ориентированно на решение наиболее насущных научных и научно-практических задач, с одной стороны, следуя магистральным путям эволюции дисциплины, с другой — ориентируя учёных на разработку методологических и методических средств решения актуальных задач «здесь и теперь».

Социальные задачи для нас выступают в их узком и в широком смысле. Гуманитарная наука, психология в том числе, в последние десятилетия чаще рассматривается лишь как научная и как учебная дисциплина, но не как технологии решения научно-практических задач. Но замкнута ли гуманитарная дисциплина на самой себе, на решении её узко дисциплинарных задач? Или есть мета-позиции, в масштабе которых те или иные проявления дисциплины могут рассматриваться и реально заявлять о себе как нечто большее, как фрагменты культуры, имеющие самоценность?

Сравнительно недавно, на рубеже XIX — XX столетий началось формирование особой дисциплины — географической политики (геополитики), очень быстро ставшей политической, а не географической дисциплиной. В последние годы и геополитику в целом, и «мягкую силу», в том числе, стали рассматриваться как инструменты влияния одних государств на другие (Дергачев, 2004; Маринченко, 2009; Нье, 2008). В широком смысле под «геополитикой» понимают дисциплину, изучающую теорию и практику контроля над территорией своего государства и других регионов, представляющих «национальный интерес»; средства, формы и закономерности сфер влияния одних государств на другие, о концентрации эти воздействий («центров силы», «силовых полей») посредством разных ресурсов, в том числе и межгосударственных объединений. Основными понятиями дисциплины являются пространство, геополитическая структура (центр, полупериферия, периферия), национально государственные интересы, национальная безопасность, мировой порядок, держава и сверхдержава (великая, региональная, ядерная, космическая, экономическая, спортивная), холодная война, прокси-война, военно-стратегический паритет, глобализация, многополярный мир. С 1990-х годов в широкий обиход вошло также понятие «мягкая сила» (*soft power*). «Мягкая сила» («гибкая сила», «гибкая власть») — формы и средства влияния одних государств на другие, основанные на культуре, политической идеологии и внешней политике страны, в которой могут и должны быть фокусированы геополитический статус страны, особенности цивилизации, стратегии и экономическая и политическая модели развития, особенности культуры, информационные ресурсы. Согласно Джозефу Наю, автору этого понятия, мягкая сила — форма власти, позволяющая добиваться желаемых результатов на основе формирования привлекательности государства, добровольного участия других народов, формирования их симпатии к твоей стране, в отличие от политики «жёсткой силы», основанной на принуждении. Видимо не случайно, родоначальниками этой дисциплины, появившейся на рубеже XIX-XX ст. выступали английские, немецкие, американские ученые, а не российские, хотя подобный успешный опыт есть у нас. Примером успешного проведения политики мягкой силы служат «русские сезоны в Париже» С. П. Дягилева, первый спутник и первый человек в космосе, во многом инициированные Н. С. Хрущёвым.

Выделим и рассмотрим, как особую цель геополитики и, в частности, мягкой силы как инструментов защиты и сохранения суверенитета государства, наши научные приоритеты, методологемы и идеологемы, социально-психологические технологии, которые могут быть определены, оформлены и доведены до качества «продукта» в русле нашей научной дисциплины, индустриальной психологии как её дисциплинарной области.

Название «индустриальная психология» здесь используется в широком смысле. Под индустриальной психологией понимается комплекс научных и научно-практических дисциплин, ориентированных на изучение и выработку рекомендаций и социально-психологических технологий управления человеческими ресурсами (УЧР) в сферах материального производства. В отечественной психологии это комплекс дисциплин с нечётко различаемым и слабо разделяемым предметом и методами исследования — психология труда, психология организационного развития, инженерная психология, эргономика и когнитивная эргономика.

Наши актуальные проблемы — структурная безработица, прежде всего, в сфере материального производства, есть типичное явление современности; следовательно, технологии успешного решения таких научных и научно-практических задач могут выступать и в статусе мягкой силы. Название «индустриальная психология» используется нами в контексте историко-социальных задач дисциплины, в данном случае, как одного из возможных инструментов геополитики, как сфера деятельности, идеологемы и методологемы которой могут нами определяться лучше, конструктивнее и человечнее, чем это делали и делают наши зарубежные коллеги.

Не будем упрощать обсуждаемые проблемы. Даже в масштабе одной области науки есть и, видимо, будут свои собственные микропроблемы, нередко заявляющие о себе как разрывы и несоответствия «теории» и «практики» (см.: Онес и др., 2017; Толочек, 2017). Но можно предполагать, что появление и сохранение подобных микропроблем есть следствия нерешения некоторых макропроблем данной дисциплинарной области и дисциплины в целом. Так, например, в начале XX в. в трудах психотехников не встречались сетования на разрывы и несогласованности теоретической и прикладной составляющей дисциплины (см.: Геллерштейн, 1926; Мунипов, 2006); нет подобных сетований и в современной медицине, вероятно, своевременно, конструктивно и благополучно разрешившей подобные «противоречия теории и практики». Предположим, что обсуждаемые вопросы и предложения вариантов их решения и есть то, что методолог называет «методологией снизу» — «методология должна быть методологией «снизу». ...методологические положения должны идти ...от проведения психологических исследований, от опыта и обобщений самой психологической науки» (Мазиллов, 2017, с. 10). Итак, признаем, что есть, накопились и требуют своего решения множество научных и научно-практических задач, которые до настоящего времени остаются проблемами для многих экономически развитых стран, конструктивное решение которых могло бы иметь множественные позитивные эффекты.

Цель исследования: историко-теоретический анализ идеологических, методологических, методических и организационных аспектов проведения научно-исследовательских работ (НИР) и научно-практических работ (НПР) в современных организациях. *Предмет исследования:* ресурсы научных разработок в области индустриальной психологии как возможные компоненты «мягкой силы», составляющей геополитики государства. *Методы:* анализ научной литературы, рефлексия опыта научной и практической работы в разных сферах профессиональной деятельности психологов. *Гипотезы:* 1. Выбор, формулирование и следование в научной дисциплине определенным идеологическим, методологическим и методическим постулатам и допущениям закономерно приводит к становлению соответствующих научных парадигм, социальных технологий и эффектам их использования в практике решения научных и практических задач. 2. Вследствие эволюции социальных объектов и научной дисциплины, содержательное наполнение постулатов и допущений должно регулярно подвергаться методологической рефлексии и корректироваться. 3. Оптимальные варианты решения локальных научно-исследовательских и научно-практических задач в современных организациях могут иметь транситуативные эффекты, содействующие их более широкому использованию. 4. Научные и социальные технологии, имеющие транситуативные эффекты, могут рассматриваться и выступать в качестве компонентов «мягкой силы» в практике реализации геополитики государством.

Исторические тенденции трансформаций государств (конец XIX — начало XXI вв.)

Принимая как исходное положение нашего анализа констатации отечественных философов и методологов науки о том, что эволюцию научных дисциплин определяют такие факторы, как её собственная логика развития, историко-социальная ситуация, особенности социального запроса (социального «заказа»), рассмотрим некоторые исторические изменения последних полутора столетий в ключе формулирования предмета и задач нашей дисциплины. Припомним некоторые важные исторические события последних полутора столетий. Именно в этот период происходило становление и развитие психологии как научной и практической дисциплины. Следовательно, параллельно текущие исторические события не могли не выступать важным условием, а не только лишь тем социальным контекстом, в русле и в логике которого происходило становление отечественной и зарубежной психологии, в чём-то разной у нас и у них.

После полувекового затишья, после наполеоновских войн, в Европе и других частях света произошли сравнительно быстро начавшиеся и завершившиеся локальные войны (франко-германская 1870–1871 гг., русско-турецкая 1877–1878 гг., испано-американская 1898 г., русско-японская 1904–1905 гг.). Спустя несколько десятилетий начались крупные войны с прямым и косвенным участием уже десятков стран — Первая мировая и Вторая мировая война. Следствиями первой из них были крушения четырёх монархий (в России, Пруссии, Австро-Венгрии и Турции), революция и гражданская война в России; второй — раздел Европы и мира на два враждебных лагеря. С конца 1980-х и по возрастающей с начала 1990-х годов имеет место «ползучая экспансия Запада», «англо-саксонского мира» во многих регионах, в том числе — и в Российской Федерации. За метафорой «Запад», «англо-саксонский мир» подразумеваются, прежде всего США. Поэтому наш анализ сконцентрируем на эволюции этих двух стран за последние полутора столетий.

Напомним о некоторых важных событиях как возможных предпосылках экспансии Запада. Как предысторию нашего анализа и его первую «реперную» точку выделим акт купли-продажи Аляски и Алеутских островов (1867 г.) — для России первой крупной потери большой территории в новой истории (основными аргументами апологетов продажи были её удалённость и сложность управления), для США — первым приобретением большой территории далеко отстоящей от государственной границы. Через три десятилетия, в 1898 г. США инициируют войну с Испанией, в результате которой присоединили принадлежавшие Королевству Испания с XVI века Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины. С середины и до конца XIX в. Россия проводит несколько военных походов (Туркестанских, Среднеазиатских) с целью ликвидации Кокандского и Хивинского ханств, Бухарского эмирата и присоединения этих территорий (основными аргументами этих войн были пресечение нападений на русские поселения и работоторговля, противодействия Великобритании в наших приграничных регионах). Одним из результатов Русско-турецкой войны (1877–1878 г.) были возврат России южной части Бессарабии, присоединение Карса, Ардагана и Батума. Эти действия с полным правом рассматриваются как расширение государства до его естественных географических границ. Аналогичные задачи решали США в войне с Мексикой в 1846–1848 гг. (аннексия Техаса и других территорий).

Более последовательной и логичной стала последующая история эволюции двух стран — России (Российской Империи, РСФСР, СССР, Российской Федерации) и США. Ограничивая наш

анализ сравнительными изменениями названных двух стран, рассмотрим лишь три составляющие этих изменений — изменения территории, человеческие потери и (или) приобретения, изменения влияния в мире. Рассмотрим некоторые статистические данные (сильно варьирующиеся по разным источникам, но достаточно показательные для задач нашего анализа), отражающие последствия Первой и Второй мировой войны, революции и гражданской войны в России, некоторых последующих событий (Таблица 1). Военные конфликты с Японией 1930-х гг.: потери убитыми.

Таблица 1. Фрагменты истории государств: изменения, геополитика, тенденции эволюции (XIX — XX — XXI вв.)

Период	Соединённые Штаты Америки	Россия
Конец XIX в.	«Доктрина Монро» (1823 г.). Урегулирование территориальный споров (с Великобританией, Канадой, Мексикой и др.), их юридическое оформление; Испано-Американская война: захват неконтинентальных территорий. Военных потерь нет. Есть расширяющаяся иммиграция из стран Европы.	Русско-Японская война и потеря территорий (Сахалин и Курилы), потеря влияния в Китае и в Маньчжурии, потеря военной базы (Порт-Артур). Первая русская революция. Потери: 44 000–120 000 чел.
1914-1920-е гг.	Участие в I Мировой войне (на завершающем этапе); потери – 117 000 чел. Активное участие в политических реформациях в Европе, в интервенции в России. Расширяющаяся иммиграция из стран Европы.	Участие в I мировой войне; потери – более 1300 000 чел. Февральская и Октябрьская революции. Отделение Финляндии. Гражданская война; война с Польшей. Потери: убитыми и умершими от ран от 1 до 10 млн. чел.; около 2 млн. чел. эмигрировали. Отделение Польши, Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины, Буковины и Бессарабии
1930–1940 гг.	Иммиграция квалифицированных специалистов и неквалифицированной «рабочей силы».	Военные конфликты с Японией; потери — около 20 000 чел. Война с Финляндией; потери: около 100 000 чел.; присоединение прежних территорий. Договор с Германией, присоединение Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины, Буковины и Бессарабии.
1941–1945 гг.	Участие во II Мировой войне (в Азии и локальное в Европе на завершающем этапе); общие потери — 418 000 чел.	Участие во II Мировой войне (Великой Отечественной войне); потери — более 27 млн. чел.
1945–1980-е гг.	Активное участие в политических и экономических реформациях в Европе и в Азии. Создание «железного занавеса», блока НАТО. «Холодная война», создание более 700 в/баз за пределами страны. Приобретение 200-мильной зоны в Охотском море. Иммиграция квалифицированных специалистов и неквалифицированной «рабочей силы».	Активное участие в политических реформациях в Европе. Создание «социалистического лагеря», «Варшавского договора». «Холодная война», активная поддержка стран «социалистического лагеря», развивающихся, с «социалистической ориентацией». Подавление выступлений в Венгрии, Чехословакии, Польше. Война в Афганистане. Уступка США 200-мильной зоны в Охотском море.
1990–2000-е гг.	«Победа в Холодной войне», радикальные продвижения в решении геополитических задач, расширение блока НАТО. Иммиграция квалифицированных специалистов и неквалифицированной «рабочей силы».	«Поражение в Холодной войне», развал СССР (потеря 14 республик), ликвидация «Варшавского договора» и «СЭВ», сложные отношения с отделившимися республиками, «проблемы русского мира» (более 30 млн. русскоязычных остались за рубежом, в т.ч., около 20 млн. этнически русских). Резкое снижение активности на международной арене, «политика уступок». Эмиграция квалифицированных специалистов; иммиграция неквалифицированной «рабочей силы».
Население	1870 г.: 39, 8 млн. чел.; 1960 г.: 180,7 млн. чел.; 2020: 329,5 млн. чел.	1870 г.: 83,3 млн. чел.; 1960 г.: 119,9 млн. чел.; 2020: 145,2 млн. чел.

Довольно сложно числом «однозначно» отразить изменения влияния в мире двух стран, но косвенно о происходящих трансформациях можно судить по изменениям численности населения, доли в мировом производстве товаров и торговле, о пропорциях военных баз за пределами страны; косвенно — в названиях наших торговых точек, органов государственной власти, музыкальных произведений, исполняемых на конкурсах вокалистов, кинофильмов в кинопрокате (едва ли такую же долю русскоязычных названий мы найдем «за океаном»). Уже на этом основании можно делать выводы об усилении влияния в мире США в последние полтора столетия, с одной стороны, и ослаблении влияния России, с другой.

Завершая анализ, резюмируем: несопоставимо большие потери России (СССР) в минувших войнах, в сравнении с США, не есть исключительно следствия неблагоприятных ситуаций на полях сражений; потери огромных территорий на протяжении последних полутора столетий не есть следствия лишь неумелого политического «торга». Два разрушения государства — Российской Империи и СССР — на протяжении минувшего столетия не есть следствия исключительно лишь накопленных сложностей в экономико-хозяйственной деятельности государства; усиление в последние десятилетия в странах Западной Европы и Северной Америки открытой русофобии не есть следствия изъянов русской культуры, русского языка.

Более вероятно предполагать, что первое, второе, третье, четвёртое были и во многом остаются отражением особенностей геополитики, проводимой с одной стороны (Россией) и с другой стороны (США). Признаем, что именно в сфере геополитики и, в частности, такой её составляющей как «мягкая сила» мы уступали нашим оппонентам, что нами не освоены в должной мере эффективные средства, еще не познаны их возможности, не использованы доступные нам ресурсы. Если мы не хотим и в последующем платить непомерно высокую цену за право жить, говорить на родном языке, поддерживать и развивать нашу культуру, быть суверенными в главном, то мы, наконец, должны расширить наш «горизонт видения» прямых и косвенных, краткосрочных и долгосрочных роли и эффектов мягкой силы как нам доступного компонента активной геополитики. Нам должно обратить внимание на то, что мы берём и что мы можем предложить миру; активно использовать то, что мы создаем сами и что можем предлагать другим.

Не затрагивая всей сложности геополитики как теории и практики, сильно упрощая, можно сказать так: всё, что мы делаем в науке и в практическом воплощении её результатов, должно просматриваться нами и плане метапозиции — того, как результаты нашей деятельности могут трансформироваться как «продукт», который мы можем предложить представителям других культур как технологии, как целостный, завершённый «продукт», сравнительно быстро и легко интегрируемый в социально-психологические технологии (а не только лишь идеи, нравственные позиции, научные подходы, которые быстро теряют своё «авторство»). Едва ли мы сможем достигнуть желаемых результатов следуя лозунгу рубежа 1950–1960-х годов («Догнать и перегнать Америку»). Нам нужно идти своим путём, тем, который надёжно обеспечит нашу суверенность в её широком понимании, путём, который нам нужно найти, который может быть примером для других.

Индустриальная психология: идеологемы и методологемы XX века

Признаем, что базовые для современной психологии, во всяком случае, для психологической практики (психотерапия, управление человеческими ресурсами) идеологемы и методологемы как постулаты и допущения были преимущественно сформулированы в зарубеж-

ной психологии, прежде всего, в Североамериканской психологии. Но насколько они были адекватны для минувшего столетия и какими они могут и должны быть в начале XXI в., это те открытые вопросы, которые подлежат обстоятельному анализу и обсуждению. Итак, рассмотрим некоторые особенности становления индустриальной психологии.

Особенности эволюции индустриальной зарубежной психологии

Припомним историю в её «классическом» варианте — эволюции дисциплины в США. В конце XIX — начале XX вв., благодаря «практикам», подвижникам и энтузиастам (Фредерику Тейлору, Фрэнку и Лилиан Гилбрет, Элтону Мейо и другим), а также «теоретикам», представителям академической психологии (У. Джеймсу, Дж. Дьюи, Г. Мюнстербергу, О. Липману и другим) психология как научная дисциплина становится всё более популярной и деятельной дисциплиной. В периоды социальных потрясений (участие страны в войне, создание профессиональной армии в период Первой и Второй мировой войны, последующая массовая демобилизация и перестройки промышленного производства и тому подобное) служили хорошим полигоном для апробации социально-психологических технологий (см. обзоры: Уорнер, 2001; Толочек, 2024). В контексте наших задач НИР выделим примечательное: во многих экспериментах, проводимых на разных предприятиях и в разных компаниях Ф. Тейлором, Ф. Гилбретом, Э. Мейо в качестве испытуемых часто выступали эмигранты первого поколения (см.: Уорнер, 2001). Можно предполагать, что непрерывный более столетия поток эмигрантов, во многом определял мировоззрение наших коллег, их трактовки сущности человека, задачи управления человеческими ресурсами, цели, реальные возможности, погрешности и прегрешения профессионального отбора, в частности. Концепции человека «X» и «Y», сформулированные Д. МакГрегором, по существу, были манипулятивными. Компании должны умело управлять мотивацией людей; люди — объект воздействия, должно лишь правильно подбирать разнообразные средства поддержания и управления их мотивацией труда. В широком смысле национальная культура США — «плавильный котел», приводящий всех к некоторому «среднему» состоянию, удобному для управления отдельными персонами, социальными группами, человеческими ресурсами в целом. Выделим и особое внимание и пристрастие американских учёных к успеху, индивидуальному успеху отдельного человека, успешной карьере как самоценности.

В целом, идеологемы североамериканской психологии можно определить как ППП (персонализм (индивидуализм), прагматизм, плюрализм). Да, в середине XX в. в русле этой психологии оформляется «третья сила», гуманистическая психология. Но суть самоактуализации А. Маслоу — индивидуальное развитие человека до вершины «само» (самоактуализации); в клиентоцентрированной терапии К. Роджерса — «центр» понимания и воздействия — индивид, индивидуальность. Эти «детали» мы находим чрезвычайно важными для понимания сущности исторически складывающихся социально-психологических технологий в США.

В отношении решения широкого круга задач управления человеческими ресурсами явно просвечивается доминанта экстенсивного подхода к использованию возможностей человека; это теория и практика техник широкого «просеивания», отбора лучших для исполнения ограниченных трудовых функций и отклонения «непригодных». Логика сравнительно более поздней концепции «компетенций» (Роберта Уайта, Дэвида МакКлелланда и других), предложенной в начале 1970-х гг. есть по существу логика «заточки» человека на исполнение им ограниченных операций, позволяющая экономно расходовать разные ресурсы компании (материальные, временные, финансовые), но не задающаяся вопросом, что человеку будет стоить длительная узкая специализация; компетентностный подход — это концепции того,

как целесообразно инвестировать в развитие человека в логике «здесь и теперь», как поддерживать и учитывать баланс вложений в работника и полученной от этого прибыли.

Обратим внимание и на сравнительно невысокие коэффициенты валидности, подтверждаемые в независимых мета-анализах, при том, что технологии отбора совершенствуются, а методический инструментарий методично разрабатывается и до настоящего времени (Таблица 2).

Таблица 2. Валидность разных методов оценки персонала и кандидатов на работу

Методы	Валидность (источник)				
	B1	B2	B3	B4	B5
Интервью	.00 – .25	.20 – .40	.19	.07	++
Тесты достижений	.10 – .20	.10 – .32	.35	-	.30
Тесты интеллекта	.20 – .30	+ -	-	.43	.45
Личностные тесты	.20 – .40	.10 – .30	-	.10 – .25	.15
Ситуативные методы	.20 – .30	+ -	.20 – .30	-	.30
Суждения коллег (стажировка)	.30 – .40	.30 – .50	.20 – .40	-	.44
Биографические методы	.40 – .70	.30 – .35	.35	-	.37
Ассесмент-центр	.40 – .75	++	.34	.44	-
Рекомендательные письма	-	.17 – .26	-	-	.18

Примечание: Значения валидности приведены согласно метаанализу, проведённому независимыми исследователями (указан диапазон минимальных и максимальных значений корреляций, либо — их средние величины), представленному в литературных источниках: B1 (Дуракова, 1998); B2 (Купер, Робертсон, Тинглай, 2005); B3 (Маничев, 2000); B4 (Фулер, Хьюбер, 2000); B5 (Бовин, 2018).

Примечательно и то, что в независимых мета-анализах (вернее, в обзорах таких исследований на протяжении последних 20–25 лет) устойчиво сохраняются типичные диапазоны валидности разных методов; как правило, валидность каждого из них (за исключением наиболее сложных в организации и трудоёмких) невысока, чаще не превышающая $r = 0,40$, при том, что на протяжении всего XX в. технологии профотбора совершенствовались, а разработка новых методик не прекращалась. Из отмеченного выше следует, что эвристики психодиагностических методик, технологии которых были разработаны в середине минувшего столетия не высоки и принципиально ограничены. Что выступает такими ограничителями, вопрос открытый и требует серьёзного осмысления.

Можно предположить, что одними и весомых ограничений выступают идеологемы и «теории» человека, оформленные в зарубежной психологии, а также — методологемы профессионального отбора, те постулаты и допущения, которым следуем и мы до настоящего времени. В этом плане выделим следующие.

1. Технологии отбора разрабатываются на больших выборках специалистов, более и менее успешных как профессионалы в каждой отдельной сфере деятельности.
2. Для анализа факторов успешности и разработки алгоритмов отбора, как правило, используются методы параметрической статистики, базирующиеся на посылке нормального распределения анализируемых данных.
3. Нормальным распределение статистик в смещённых выборках, то есть в группах лиц, подвергаемых психодиагностике с целью решения задач профессионального отбора, зачисления в резерв и тому подобных, быть не может.
4. Де-факто в ту или иную профессиональную сферу подвизаются не «средние», не разные представители нормально распределённой выборки, а преимущественно акцентуанты, люди, ориентированные на определённые виды деятельности, её режимы, тяжесть труда, перспективы карьерного продвижения, типичное профессиональное сообщество и многое другое.

5. Ориентация алгоритмов профотбора на усредненные статистики в смещённых выборках принципиально ограничивает потенциал таких технологий.
6. Разработанные технологии наиболее эффективны при условии высокой конкуренции — порядка 8-10 кандидатов на одну вакансию.
7. Регулярный приток эмигрантов на протяжении полутора столетий, сохраняющаяся высокая безработица поддерживают необходимые условия, требуемые для данных технологий профотбора.

Итак, исторически сложившиеся в начале XX в. технологии профотбора были, несомненно, сильным решением. Спустя столетие они таковыми уже не являются, но, кажется, этого не замечают. Социальные объекты исторически изменяются, что предполагает поиск и разработку новых, более конструктивных социально-психологических технологий.

Особенности эволюции индустриальной психологии в России

В начале XX ст. работы российских учёных-психотехников хронологически и содержательно соответствовали тому, что делалось в Европе и США; они не уступали по осмыслению проблем, а концептуально в чём-то и опережали движение научной мысли. В конце 1920-х — начале 1930-х годов в практике воплощения достижений науки мы также не отставали. Но после памятного постановления 1936 г. ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР все практические и экспериментальные работы были приостановлены. Возрождение отечественной психологии, психологии труда и инженерной психологии в том числе, фактически начинается с середины 1960-х гг. К концу 1980-х гг. сложились основные дисциплинарные институты (структуры учебных подразделений, программы подготовки специалистов, научные журналы). Собственно организационной психологии как научной дисциплины у нас не было; но были созданы и успешно функционировали психологические и социологические службы на отдельных предприятиях, в силовых структурах. В 1990-х гг. эти службы во многих случаях были ликвидированы или реорганизованы с потерей влияния на управление персоналов, квалифицированные специалисты рассеялись, многие были потеряны для науки и практики. Замещение этих служб отделами «развития персонала» стали уже другой историей, следующей иным постулатам. Точечные подразделения, в которых проводились эргономические исследования, не оказывали заметного влияния на развитие дисциплины в целом.

В отношении всех четырёх областей (психологии труда, инженерной и организационной психологии, эргономики), как выше отмечалось, сохранялась и даже возрастала их дифференциация на «теорию» (академическую психологию и учебную дисциплину) и «практику», опыт решения конкретных научно-прикладных задач (Бовин, 2018; Иванов, Штроо, 2018; Онес и др., 2017; Толочек, 2017). Методические приёмы и методология были полностью заимствованными из зарубежных публикаций. Специалисты-практики активно включали в свой арсенал всё, что было накоплено академической психологией и психотерапией, всё, что могло быть использовано первоначально, оперативно, с минимальными трудозатратами. Спонтанно формировался набор универсальных приемов работы консультантов, пригодных для решения нескольких типичных задач, как правило, сопровождающих становление и начальные стадии развития компаний. Новые специалисты-практики в своём большинстве были «не дружны» с академической психологией, взаимный обмен знаниями и опытом ограничивался. Различия в оплате труда «академиков» и «практиков» также затрудняли их профессиональные взаимодействия.

В то время как в нашей стране проходило активное становление новой психологической практики, в начале 1990-х состояние «академиков» можно было характеризовать как «культурный шок», у одних прошедший сравнительно быстро и легко, у других — в более тяжёлой

форме. Отношение отечественных психологов к истории СССР неоднозначное. В 1990–2000-х годах, после крушения СССР, ряд крупных учёных представляли радикальные оценки прошлого и настоящего нашей психологии (Василук, 1996; Зинченко, 2003; Мазиллов, 2017; 2020). Так, например, В. П. Зинченко крайне жёстко оценивал методологию советской психологии, которая была «связана не столько с теорией и философией, сколько с идеологией, находившейся над всем. Последняя была крайне агрессивна, претенциозна и самозванна» (Зинченко, 2003, с. 98), существо которой составляли схематизмы, а не проблемы, которые представлялись «в форме постулатов, а не проблем, что сковывает свободу мысли...» (Зинченко, 2003, с. 99), для которой были характерны «недостаточность, а то и неполноценность, неадекватность ... методологических принципов советской психологии» (Зинченко, 2003, с. 114). Обращаю внимание, речь идёт о психологии и её методологии, в которой выросли и которую творили Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и другие.

Со временем острота восприятия кризисного состояния отечественной дисциплины несколько снизилась; в то же время каноны зарубежной психологии были усвоены одними творчески, другими — нетворчески. С одной стороны, многие успешно поднялись к высокому уровню методологической рефлексии задач научной деятельности (Дорфман, Калугин, 2021; Корнилова, Смирнов, 2006; Куликов, 2013; Мазиллов, 2017; 2020; Юревич, 2005; 2010), с другой — не обошлось и без издержек и «перегибов от восторга». Своеобразно зарубежные «каноны научности» проявляются и в том, что около трети статей в наших журналах посвящены процедурам адаптации зарубежных методик и разработке новых, что рецензенты жёстко настаивают на соблюдение требований АПА (Американской психологической ассоциации) российскими авторами научных статей в российские же журналы. Немаловажным назовём и сохраняющиеся разрывы и даже возрастающее «разбегание» разных частей психологии — академической, учебных дисциплин и прикладных областей — психотерапии, организационного консультирования. Обобщая, не находим оснований говорить о последовательном и поступательном продвижении отечественной психологии в поисках «своего пути», третье десятилетие для нас ориентирами выступают постулаты зарубежной психологии.

В целом, всё более очевидным для нас становятся явные ограничения доминирующей до настоящего времени парадигмы индивидуальной деятельности, тогда как парадигма совместной деятельности ещё лишь разрабатывается, обозначены лишь её контуры, задан лишь её абрис в трудах А. Л. Журавлёва, Б. Ф. Ломова, В. И. Панова и других. Второй важной темой размышления методологов являются условия и возможности интеграции разных отраслей науки в единое течение, создания интегративной психологии, о чем регулярно размышляли В. П. Зинченко, В. В. Козлов, В. А. Мазиллов, А. В. Юревич и другие. Эти вопросы также ещё не решены, они всё ещё не откристиализованы в чёткие научные ориентиры и социально-психологические технологии.

Заключение

В чём заключаются главные задачи российской геополитики в обозримой перспективе? Какой вклад в её составляющие («мягкую силу») мы могли бы вносить? С начала XVIII в. — периода попыток активной интеграции России с западной цивилизацией — войны, войны, войны и потери, потери, потери людей. В начале 1990-х гг. резонансной стала статья В. Цимбурского «Остров Россия». Автор пророчески утверждал, что Россию в Европе, как и в США, никогда не будут воспринимать и принимать как равную державу, как «свою». Что нам нужно строить собственную суверенную политику, что нам нужно решать множество своих

задач, не решаемых на протяжении столетий. Что у нас множество сложных задач, требующих незамедлительного решения — слабозаселённые и необжитые огромные территории, демографические проблемы (Цимбурский, 1993). Сходно об этом же писал и А. И. Солженицын, акцентируя на главном — «сбережении народа» (Солженицын, 1995).

Пожалуй, впервые вопросы сохранения нашего народа поднимал М. В. Ломоносов в записках для И. П. Шувалова, который именно так их формулировал как главную задачу правления для императрицы Елизаветы (Ломоносов, 1951). Да, «сбережение народа» есть наша вневременная историческая задача, которая в настоящее время должна пониматься как развитие человеческих ресурсов, как развитие социального капитала. Но сейчас очевидно, что эта наша главная задача уже не может рассматриваться как исключительно внутреннее дело России, как тема её внутренней политики. Глобализация «сделала своё дело»; мы все теснее связаны с недругами, чем с дружескими странами, отношения с которыми непостоянны. Вопросы геополитики, а для нас — мягкой силы, как её составляющей, — становятся непрерывно актуальными. Что могут сделать и как должны работать психологи, чтобы плоды нашего труда могли выступать в качестве универсального и значимого продукта, чтобы они могли иметь выраженные преимущества на фоне «предложений» наших зарубежных коллег?

Повторим, в становлении научных дисциплин ключевую роль играют несколько факторов, в том числе — прямо или латентно заявленный актуальный социальный запрос. Россия — не просто лишь страна, не «региональная держава», а держава, особая цивилизация. И наши задачи — верно понять особенности исторической эпохи и ей соответствующие наши задачи. Выделим несколько возможных путей и масштабов осмысления спектра таких задач как наши научные и научно-практические проблемы.

Прежде всего, это творческое и критичное переосмысление базовых феноменов и концепций отечественных учёных. Примерами могут служить несколько версий переосмысления содержания работ И. П. Павлова. Их ограничения, как изучение высшей нервной деятельности (животных) в лабораторных условиях П. К. Анохиным, привело к созданию теории функциональных систем. Более широкая интерпретация «учения И. П. Павлова» о свойствах нервной системы (НС) Б. М. Тепловым, В. Д. Небылицыным и другими учёными как диалектического сочетания возможностей и ограничений определила становление отечественной психофизиологии, опора на базовые положения которой послужили основаниями для разработки В. С. Мерлиным, Е. А. Климовым концепции индивидуального стиля деятельности (ИСД), ориентированной на конструктивное решение широкого круга научных и прикладных задач.

Критическое переосмысление Е. П. Ильиным подхода В. С. Мерлина — Е. А. Климова привело к выделению комплекса подлежащих анализу типологических свойств НС, к разработке комплекса экспресс-методик, позволившее проводить не только в лабораторных, но и в полевых исследованиях широкое и многогранное изучение свойств НС и проявления стиля в разных сферах деятельности. Развитие и совершенствование методических приемов диагностики, создание современной их компактной аппаратной формы А. К. Дроздовским, обобщение им огромного эмпирического материала о связи свойств НС и проявлений психического, позволило предложить хорошо структурированную форму психологической характеристики обследованного, получаемую через 10–15 минут аппаратной диагностики (Дроздовский, 2023). Предложенный подход успешно используется в профессиональном отборе (в том числе, в видах деятельности с экстремальными условиями), в индивидуализации обучения и тренировки (в том числе, в спорте высших достижений). Это пример критико-конструктивной деятельности учёных, при которой в несколько этапов учёными нескольких

поколений первоначально радикальная теория была воплощена в изящную форму психологического продукта.

Но обратим внимание и на «обратную сторону медали», на наши сохраняющиеся российские традиции. От первых исследований до создания «продукта», который можно широко использовать в практике, прошло более 100 лет. Широкое использование предполагает проведение пилотажа в нескольких организациях, разработки учебных программ обучения специалистов, формирование Центров обучения, организация промышленного производства. Всё это требует серьёзных административных ресурсов. В данном случае технология «Прогноз» успешно прошла испытания в структуре ООО «РЖД», в аэропорту «Пулково», в работе со сборными командами в разных видах спорта (Дроздовский, 2023). Во всех случаях были положительные результаты, активная поддержка руководителей организаций. Но далее процесс затормозился — пандемия, СВО и прочее, но основная причина наши российские «особенности», затрудняющие выстраивание завершённых цепочек «Результаты НИР → социально ценный продукт».

Вероятно, таких цепочек, которые часто обрываются своеобразием того или иного авторского подхода, в котором элиминируются достижения предшественников, бюрократическими препонами, могло бы быть много больше при видении учёными и практиками конечных задач нашей профессиональной деятельности.

Другим путём и конструктивным вариантом продвижения к созданию завершённого продукта может быть рассмотрение «старых» проблем, десятилетиями изучаемых в границах дисциплинарных подходов, в большем масштабе — как междисциплинарных, выделяя связи разных фрагментов социальной действительности. В круге таких проблем выделим тему профессионального отбора, профессиональной карьеры, профессионального здоровья, профессионального долголетия, управление человеческими ресурсами.

Напомним, что на протяжении столетия большая часть феноменов в нашей дисциплине рассматривалась и разрабатывалась в парадигме индивидуальной деятельности. Контуры парадигмы совместной деятельности ещё лишь намечены в работах Г. М. Андреевой, А. И. Донцова, Б. Ф. Ломова, А. Л. Журавлёва, А. В. Карпова, В. И. Панова и других. Множество научно-практических разработок (малых социальных групп, командной деятельности) до настоящего времени не интегрированы в целостную концепцию. Можно ожидать, что переинтерпретация и переформулирование «старых вопросов» в логике парадигмы совместной деятельности заметно расширит наши «горизонты видения».

Напомним, что только в третьей четверти XX в. философы и методологи стали выделять и различать разные типы рациональности — классический, неклассический, постнеклассический (Мамардашвили, 2010; Степин, 2000). В контексте нашего обсуждения смысл этого открытия — люди, учёные в их числе, все явления рассматривают в границах, определяемых формами и средствами мышления, исторически выработанных и освоенных в данной эпохе.

Приведём фрагмент рассуждения философа о философии, имеющие и прямое отношение и к нам: «сами философские прозрения и абстракции настолько срастаются в культуре с внешним идеологическим их оправданием и ассимиляцией в общественных целях ... что кажутся — вместе с ними — абсолютными и неотъемлемыми чертами как предмета философии, так и культуры как таковой. Таковую цельность сращенности им ... придавали совершенно определенные социальные основания, общие для эпохи в целом» (Мамардашвили, 2010, с. 144). «Конкретная (и типичная для крупных исторических периодов) экзистенциальная ситуация, в которую попадают знание и сознание, всегда отражается — обратным эффектом — в организации и характере содержания мысленных объектов этого же знания и сознания» (там же, с. 167).

Следовательно, если на протяжении столетия большая часть феноменов социальной действительности в нашей дисциплине рассматривалась согласно канонам классического типа рациональности, то их изучение в логике постнеклассической рациональности также расширяет наши «горизонты видения». И принимая во внимание, что в североамериканской психологии ещё долгое время будут действовать проверенные практикой основные методологические подходы и методические приёмы, сформированные в середине XX в., нами условно названные ППП (персонализм/индивидуализм, прагматизм, плюрализм), что ввиду их социальных обстоятельств у них эти подходы ещё «работают», но не повсеместно, в других культурах и странах, не имеющих благодатных условий для поощрения индивидуализма и всеобщей конкуренции («... Всё куплю, сказало злато...»). В других социально-исторических условиях более востребованы новые подходы и новое видение задач индустриальной психологии. Это видение, это понимание, эти научные и научно-практические разработки могут предложить российские учёные, волею обстоятельств находящиеся в иных социально-исторических условиях.

Итак, напомним, со времени распада великой державы прошло более 30 лет. Новая страна вступает в новую историческую эпоху. Какие режимы труда будут более востребованы? Специалисты какого профиля будут востребованы? Как должны быть организованы обучение, профессиональная подготовка и переподготовка специалистов? Как должны решаться вопросы профессиональной реабилитации и профессионального долголетия? Варианты решения этих и других вопросов, предложенные в XX в. в логике классического типа рациональности, едва ли могут считаться наилучшими в новых исторических условиях в перспективе решения новых социальных задач.

Главное в настоящей статье — приглашение коллег к размышлению, к обсуждению, к дискуссии о наших актуальных научных и научно-практических задачах, о наших резервах, о ресурсах наших научных разработок. Полагаю, что нам нужно формировать новое видение нашего предмета и задач, чтобы это видение нашего будущего стало инструментом его приближения, способом управления его эволюцией, средством его реализации, теорией и практикой его воплощения. «Вначале было слово». Нам нужно найти это слово, вернее, эти слова.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено согласно Государственному заданию Минобрнауки РФ № 0138-2024-0017: «Профессиональная деятельность и развитие личности человека в условиях организационных и техногенных изменений».

Литература

- Бовин, Б. Г. (2018). *Психологическая пригодность к службе в правоохранительных органах*. М.: Юрлитинформ.
- Геллерштейн, С. Г. (1926). *Психотехника*. М.: Новая Москва.
- Дергачев, В. А. (2004). *Геополитика*. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
- Дроздовский, А. К. (2023). *Возможности и перспективы дифференциально-психофизиологических методов в образовании, спорте и профессиях: Инновационный потенциал двигательных экспресс-методик Е. П. Ильина для измерения свойств нервной системы человека: от дифференциальной — к интегративной психофизиологии*. С.-Петербург: Реноме.

- Дуракова, И. Б. (1998) *Управление персоналом: отбор и наем. Исследование зарубежного опыта*. М.: Центр.
- Зинченко, В. П. (2003). Деятельность. Знание. Духовность. *Высшее образование в России*, (5), 81–91.
- Иванов, М. А., Штроо, В. А. (2018). Академическая и практическая психология. *Организационная психология*, 8(4), 137–155.
- Купер, Д., Робертсон, И., Тинглай, Г. (2005). *Отбор и наем персонала: технологии тестирования и оценки*. М.: ООО Вершина.
- Ломоносов, М. В. (1950). *Избранные философские произведения*. М: Госполитиздат.
- Мазилов, В. А. (2017). *Методология психологической науки: история и современность*. Ярославль: РИО ЯГПУ.
- Мазилов, В. А. (2020). *Предмет психологии*. Ярославль: РИО ЯГПУ.
- Мамардашвили, М. К. (2010). *Классический и неклассический идеал рациональности*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттиус.
- Мамардашвили, М. К., Соловьев, Э. Ю., Швырев, В. С. (1970). Классическая и современная буржуазная философия: Опыт эпистемологического сопоставления. *Вопросы философии*, (12), 23–38.
- Мамардашвили, М. К., Соловьев, Э. Ю., Швырев, В. С. (1971). Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления). *Вопросы философии*, (4), 58–73.
- Маничев, С. А. (2000). Методы диагностики ПВК менеджеров. В сб.: Г. С. Никифоров (ред.), *Психология менеджмента* (243–280). СПб.: СПбГУ.
- Маринченко, А. В. (2009). *Геополитика*. М.: ИНФРА-М.
- Мунипов, В. М. (2006). И. Н. Шпильрейн, Л. С. Выготский и С. Г. Геллерштейн — создатели научной школы психотехники в СССР. *Культурно-историческая психология*, 2(4). 85–109.
- Онес, Д., Кайзер, Р., Чаморро-Премюзик, Т., Свенссон, С. (2017). Индустриально-организационная психология: тупик или новый виток развития? *Организационная психология*, 7(2), 126–136.
- Солженицын, А. И. (1995). Как нам обустроить Россию? В сб.: Солженицын, А. И. *Публицистика: в 3 т. Т. 1* (538–598). Ярославль: Верхняя Волга.
- Степин, В. С. (2000). *Теоретическое знание*. М.: Прогресс-Традиция.
- Толочек, В. А. (2021а) Исторические формы деятельности человека как объект и предмет исследования. Часть 1. *Ярославский педагогический вестник*, 5(122), 119133. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-119-133>.
- Толочек, В. А. (2021б). Исторические формы деятельности человека как объект и предмет исследования. Часть 2. *Ярославский педагогический вестник*, 6(123), 141–152. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-6-123-141-152>.
- Толочек, В. А. (2017). Парадоксы развития отечественной индустриальной организационной психологии. *Организационная психология*, 7(4), 129–144.
- Толочек, В. А. (2024). *Технологии профессионального отбора*. М.: Юрайт, 2024.
- Уорнер, М. (ред.) (2001). *Классики менеджмента*. СПб.: Питер.
- Фулер, С. Р., Хьюбер, В. Л. (2000). Набор и отбор персонала. В сб.: М. Пул, М. Уорнер (ред.), *Управление человеческими ресурсами* (846–861). СПб.: Питер.
- Цымбурский, В. (1993). Остров Россия. *Полус*. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrovrus/symbur/island_ru
- Шадриков, В. Д. (2006). *Внутренний мир человека*. Москва.
- Шадриков В.Д. (2004). О предмете психологии (Мир внутренней жизни человека). *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 1(1), 5–19.

- Шадриков, В. Д., Мазилев, В. А. (2015). *Общая психология*. М.: Юрайт.
- Юревич, А. В. (2005). *Психология и методология*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Юревич, А. В. (2010). *Методология и социология психологии*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Нье, J. S. (2008). *The Powers to Lead*. NY: Oxford University Press.

Получена 27.12.02024

Industrial psychology: Subject, objectives of discipline and geopolitics. Part 1

Vladimir A. TOLOCHEK

ORCID: 0000-0003-1378-4425

Federal State Institution of Science (FSIS) Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The subject of psychology as a scientific discipline remains a topic of scientific discussions; the issues of the subject of individual disciplinary areas also remain open (due to the development of science, the evolution of social objects, changes in the current social demand, features of the socio-historical environment). *Purpose.* The understanding of the subject, tasks and methods of industrial psychology formulated in the early twentieth century and approved in foreign psychology is critically examined. *Methodology.* A comparative analysis of the history of the development of states (the USA and Russia) from the end of the nineteenth century to the present (participation in defensive or aggressive wars, population losses, emigration and/or immigration, changes in territory), current social problems is carried out. The transmission of fragments of culture (including scientific achievements as standards) is considered as components of “soft power”, consistently implemented in the logic of the geopolitics of states — forms and means of influence of some states on others. The history of the discipline’s development, methodologemes and ideologemes dominating in foreign psychology, the validity of the methodological tools, which are not entirely acceptable for domestic industrial psychology at this historical stage, are analyzed; the problems of the state of Russian psychology and our resources are considered. It is summarized that the main tasks for us remain “saving people”, focusing psychology on solving urgent social problems (development of human resources, as development of social capital, etc.). *Findings.* It is proposed to carry out a creative and critical rethinking of the basic phenomena and concepts of domestic scientists; to look for new forms of presenting “old questions” in the logic of the paradigm of joint activity, in the logic of the post-non-classical type of rationality, expanding our “horizons of vision”; to learn to bring our discoveries and inventions to the level of social technologies. We need to form a new vision of our subject and tasks, so that this vision of our future becomes an instrument for its approximation, a way of managing its evolution, a means of its implementation, a theory and practice of its embodiment.

Keywords: psychology, subject, tasks, discipline, methodology, social demand, ideologemes, geopolitics.

References

- Bovin, B. G. (2018). *Psikhologicheskaya prigodnost' k sluzhbe v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychological suitability for service in law enforcement agencies]. M.: Yurlitinform. (in Russian)
- Cooper D., Robertson I., Tinglay G. (2005). *Otbor i nayem personala: tekhnologii testirovaniya i otsenki* [Selection and hiring of personnel: testing and evaluation technologies]. M.: OOO Verzhina. (in Russian)
- Dergachev, V. A. (2004). *Geopolitika* [Geopolitics]. M.: YUNITI-DANA. (in Russian)

- Drozdovskiy, A. K. (2023). *Vozmozhnosti i perspektivy differentsial'no-psikhofiziologicheskikh metodov v obrazovanii, sporte i professiyakh: Innovatsionnyy potentsial dvigatel'nykh ekspress-metodik Ye. P. Il'ina dlya izmereniya svoystv nervnoy sistemy cheloveka: ot differentsial'noy — k integrativnoy psikhofiziologii* [Possibilities and prospects of differential psychophysiological methods in education, sports and professions: Innovative potential of E.P. Ilyin's motor express methods for measuring the properties of the human nervous system: from differential to integrative psychophysiology]. S.-Peterburg: Renome. (in Russian)
- Durakova, I. B. (1998). *Upravleniye personalom: otkor i nayem. Issledovaniye zarubezhnogo opyta* [Personnel management: selection and hiring. A study of foreign experience]. M.: Tsentr. (in Russian)
- Fuller, S. R., Huber, V. L. (2000). Nabor i otkor personala [Recruitment and Selection of Personnel]. In: M. Poole, M. Warner (Eds.), *Upravleniye chelovecheskimi resursami* (846–861). SPb.: Piter. (in Russian)
- Gellerstein, S. G. (1926). *Psikhotekhnika* [Psychotechnics]. M.: Novaya Moskva. (in Russian)
- Ivanov, M., Stroh, W. (2018). Akademicheskaya i prakticheskaya psikhologiya [Academic and Practical Psychology]. *Organizational Psychology*, 8(4), 137–155. (in Russian)
- Lomonosov, M. V. (1950). *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* [Selected philosophical works]. M.: Gospolitizdat. (in Russian)
- Mamardashvili, M. K. (2010). *Klassicheskiy i neklassicheskiy ideal ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideal of rationality]. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attius. (in Russian)
- Mamardashvili, M. K., Solov'yev, E. Yu., Shvyrev, V. S. (1970). Klassicheskaya i sovremennaya burzhuaznaya filosofiya: Opyt enistemologicheskogo sopostavleniya [Classical and modern bourgeois philosophy: An attempt at an enistemological comparison]. *Voprosy filosofii*, (12), 23–38. (in Russian)
- Mamardashvili, M. K., Solov'yev, E. Yu., Shvyrev, V. S. (1971). Klassicheskaya i sovremennaya burzhuaznaya filosofiya (Opyt enistemologicheskogo sopostavleniya) [Classical and modern bourgeois philosophy (An attempt at an enistemological comparison)]. *Voprosy filosofii*, (4), 58–73. (in Russian)
- Manichev, S. A. (2000). Metody diagnostiki PVK menedzherov [Methods for diagnosing the PVK of managers]. In: G. S. Nikiforov (ed.), *Psikhologiya menedzhmenta* (243–280). SPb.: SPbGU. (in Russian)
- Marinchenko, A. V. (2009). *Geopolitika* [Geopolitics]. M.: INFRA-M. (in Russian)
- Mazilov, V. A. (2017). *Metodologiya psikhologicheskoy nauki: istoriya i sovremennost'* [Methodology of psychological science: history and modernity]. Yaroslavl': RIO YAGPU. (in Russian)
- Mazilov, V. A. (2020). *Predmet psikhologii* [The subject of psychology]. Yaroslavl': RIO YAGPU. (in Russian)
- Munipov, V. M. (2006). I. N. Shpil'reyn, L. S. Vygotskiy i S. G. Gellershteyn — sozdateli nauchnoy shkoly psikhotekhniki v SSSR [I. N. Spielrein, L. S. Vygotsky and S. G. Gellerstein — the creators of the scientific school of psychotechnics in the USSR]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2(4), 85–109.
- Nye, J. S. (2008). *The Powers to Lead*. NY: Oxford University Press, 2008.
- Ones, D., Kaiser, R., Chamorro-Premuzic, T., Svensson, S. (2017). Industrial'no-organizatsionnaya psikhologiya: tupik ili novyy vitok razvitiya? [Industrial-organizational psychology: a dead end or a new round of development?]. *Organizational psychology*, 7(2), 126–136. (in Russian)
- Shadrikov, V. D. (2004). O predmete psikhologii (Mir vnutrenney zhizni cheloveka) [On the Subject of Psychology (The World of Man's Inner Life)]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 1(1), 5–19. (in Russian)

- Shadrikov, V. D. (2006). *Vnutrenniy mir cheloveka* [The Inner World of Man]. Moskva. (in Russian)
- Shadrikov, V. D., Mazilov, V. A. (2015). *Obshchaya psikhologiya* [General Psychology]. M.: Yurayt. (in Russian)
- Solzhenitsyn, A. I. (1995). Kak nam obustroit' Rossiyu? [How should we organize Russia?] In: Solzhenitsyn, A. I. *Publitsistika: v 3 t. T. 1* (538–598). Yaroslavl': Verkhnyaya Volga. (in Russian)
- Stepin, V. S. (2000). *Teoreticheskoye znaniye* [Theoretical knowledge]. M.: Progress-Traditsiya. (in Russian)
- Tolochek, V. A. (2017). Paradoksy razvitiya otechestvennoy industrial'noy organizatsionnoy psikhologii [Paradoxes of the development of domestic industrial organizational psychology]. *Organizational Psychology*, 7(4), 129–144. (in Russian)
- Tolochek, V. A. (2021a) Istoricheskiye formy deyatel'nosti cheloveka kak ob'yekt i predmet issledovaniya. Chast' 1 [Historical forms of human activity as an object and subject of research. Part 1]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 5(122), 119–133. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-119-133>. (in Russian)
- Tolochek, V. A. (2021b). Istoricheskiye formy deyatel'nosti cheloveka kak ob'yekt i predmet issledovaniya. Chast' 2 [Historical forms of human activity as an object and subject of research. Part 2]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 6(123), 141–152. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-6-123-141-152>. (in Russian)
- Tolochek, V. A. (2024). *Tekhnologii professional'nogo otbora* [Technologies of professional selection]. M.: Yurayt. (in Russian)
- Tsymburskiy, V. (1993). Ostrov Rossiya [Island Russia]. *Polis*. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrovrus/cymbur/island_ru (in Russian)
- Warner, M. (ed.) (2001). *Klassiki menedzhmenta* [Classics of management]. SPb.: Piter. (in Russian)
- Yurevich, A. V. (2005). *Psikhologiya i metodologiya* [Psychology and Methodology]. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». (in Russian)
- Yurevich, A. V. (2010). *Metodologiya i sotsiologiya psikhologii* [Methodology and Sociology of Psychology]. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». (in Russian)
- Zinchenko, V. P. (2003). Deyatel'nost'. Znaniye. Dukhovnost' [Activity. Knowledge. Spirituality.]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, (5), 81–91. (in Russian)

Received 27.12.2024